

Притчи

Действующие лица

Эмир
Карим, мудрец
Философ
Отшельник
Нищий

Пролог

Пойдёт история про то, как на востоке,
Где мудрость древняя брала свои истоки,
Искали суть земного бытия:
В рассвете наступающего дня,
В забываемых своей красой ночах,
В невинных девичьих, как ангела, очах
И в страхе, удушающем и в горе;
Во время отдыха – в горячем также споре,
В моменте, будто свыше – озаренья,
В грехопадениях и в чуде исцеленья.

От автора

Эмир призвал к себе в покои мудреца.

Эмир

Не смей разыгрывать, как многие, льстеца!
Где корни истины, скажи?
Свои мне мысли изложи
Да жизни таинства раскрой;
Будь откровенным ты со мной.

От автора

Карим был вынужден молчать:
Прямой ответ не в силах был он дать,
И попросил он время на раздумье,
Здесь торопиться попросту безумье.
Не только день, неделя уж проходит –
С чела его задумчивость не сходит.
Вот, наконец, Карим пришёл к Эмиру.

Карим

Пусти меня ответ искать по миру.
Я, как и ты, желанием горю;
Своим сомнениям: «Молчать!» – я говорю.

Объять сего мой слабый ум не может,
Спрошу людей – там кто-нибудь поможет.

От автора

В нелёгкий путь отправился Карим...
Природа обнажалась перед ним...
Стал посещать он шумные базары;
Как реки полноводные, отары,
Ему дорогу преграждали много раз;
О, счастлив тот, кто в предрассветный час
Любуется цветами на лугах,
Всю прелесть подмечая в мелочах.
Вот приближается к черте он городской:
Пестрит одеждами, бурлит поток людской...
Находит здесь того, кого искал
(Короткий путь к нему прохожий подсказал).
Богатый дом приятно лицезреть, –
Таким хотели б многие владеть.
В одном из них философ поселился,
К нему мудрец немедля устремился.
Летели дни его и годы безмятежно,
Любил себя порою слишком нежно;
Ну что сказать – жилось ему вольготно!
Читал нравоучения охотно,
Считал бессмысленной за нравственность борьбу,
Он на свою давно не сетовал судьбу;
Карим к нему направил свой вопрос,
Его он с уваженьем произнёс.

От автора

Учёный муж, подумав, отвечал:

Философ

Я в разных ситуациях бывал.
Быть может, лучше мысли у поэта?
Его строка познала тайну света;
Ответов много здесь, но я приму такой:
Где есть для рассуждения настрой,
Где пир царит, где жизнь течёт с усладой,
Где служат исключения наградой,
Где дан для самокритики простор,
Где есть условия, чтоб был полезным спор
И, где мужской говеет также дух,
Лаская бесконечно женский слух;
Следов своих, где зло не оставляет,
Где муза понапрасну не вздыхает,
Где аромат вина пьянит,
Где гость легко уже простит
Неловкость шулки неуместной

(Уловки места нет бесчестной),
Её к тому ж забудут живо;
Меня ты слушал терпеливо.
Так все, пресытившись, уходят:
В том смысл жизни и находят.
Я разделяю их слова –
Здесь вижу мнение большинства!

От автора

Карим на это промолчал,
Лишь на прощанье руку дал;
Как подобает, поклонился
И вскоре быстро удалился,
Но про себя он рассуждал:

Карим

Философ счастье увидал
Среди пирующих гостей...
Немало есть других людей;
Спрошу, пожалуй, я у них;
Суждений держатся, каких?

От автора

Отшельник проживал далёко,
В нём было что-то от пророка;
Его в округе каждый знал,
К себе он слухи привлекал;
Лесные ел плоды, коренья;
Похоже, верил в сновиденья...
Ему убежищем служила,
От посторонних глаз хранила
Пещера средь высоких скал,
И он её облюбовал.
Карим отправился туда
С вопросом тем же. И тогда
Отшельник так ему сказал:

Отшельник

Через пустыню, помню, гнал
Верблюда путник молодой;
Устал, хотелось на постой.
Случилось страшное. Верблюд
Взбесился будто. Даже кнут
Не мог подействовать. Ну вот:
Так попадают в переплёт.
За ним, хрипя, верблюд погнался...
Тут путник сильно испугался.
Укрыться негде – степь пуста!

Вдруг у дороги тень куста,
Как призрак странный вырастала,
(Лицо в надежде просияло);
То был иссохший водоём,
Покрыто дно мягчайшим мхом...
И, спасся он как будто чудом,
Благодаря простым причудам.
Схватился за торчащий сук,
Повис на нём мой милый друг;
Верблюда пасть перед глазами...
Он окружён уже врагами.
Шутить не стал теперь бы я:
Внизу ворочалась змея
С открытым зевом, поджидая...
Угроза жизни там большая.
Он весь от страха побледнел
И шевельнуться не посмел.
И что же? там, где куст корнём
Входил чрез стену сквозь пролом,
Две мыши тихо схоронились...
И день, и ночь они трудились;
Точили корень беспрестанно,
Весьма успешно, как ни странно.
Как снег сверкающий, – одна;
Другая, словно ночь темна;
Скребли и ослабляли куст...
Когда же доносился хруст,
Он был похож на изваянье;
Казалось, замерло дыханье.
Из тьмы глядел пытливо змей,
Любуясь жертвою своей
И ждал, когда мышиный труд
(А дела там на пять минут),
Даст непременно результат.
Рассказ, не правда ль? – жутковат;
Ведь с ним обрушится на дно...
Куда деваться? Всё равно
Его ничто уж не спасёт;
О, там его погибель ждёт!
И вот замкнулся страшный круг,
Но, как насмешка, видит, вдруг
Перед собой плоды кизила –
В них притягательная сила!
И захотелось есть ему
(Здесь рассужденья ни к чему);
Он ими голод утолил
И об опасности забыл;
Забыл про грозного верблюда,
Про змея также и откуда,
Мышей коварство поджидало...
Меж тем рука плоды срывала.
(Делает не большую паузу.)
Хранитель я ушедших лет;

На твой вопрос готов ответ.

* * *

Тот жалкий путник – человек!
Его короткий, впрочем, век;
А водоём – надежды свет;
В пустыни путь – как жизни след;
Верблюды – причина глупой скуки;
Он враг души и суть разлуки;
В том змее смерть была сокрыта;
Она никем не позабыта.
А мыши? – не поверишь ты!
В них бесконечность суеты...
Дано название: день и ночь;
От них бегут порою прочь,
Коль роковые есть просчёты;
Судьбы неведомы полёты!
Душистой ягодой прельщённый,
И впрямь тем вкусом обольщённый,
Забыл про всё на свете он
(Настолько был он увлечён).

* * *

Всё ладно в повести моей?

Карим

Замысловата... много в ней
Сравнений точных да глубоких,
Но я спросил ещё немногих;
Не так уж наша жизнь печальна,
Небезнадёжна, не фатальна
И не мгновением одним,
Живя, судьбу благодарим.

От автора

Карим отшельнику сказал,
На что, последний, промолчал.
Поехал дальше, наугад –
Куда глаза его глядят.
И вот он нищего встречает;
С плеча усталого свисает
Котомка ветхая его;
Он – тень скитанья своего.
При нём и хлеб да соль, вода;
Он знал, наверно, шёл куда.
Глаза как будто не страдали,
Они доверье излучали...
Был без сандалий он, – босой;
К нему вопрос направил свой.

Нищий

Есть повесть, –

От автора

Нищий отвечал.
Карим терпением обладал.

Нищий

Так вот, *немой* сказал *слепому*:
Арфиста жду с бутылкой рому,
Хочу, чтоб сына веселил;
Ах, вот ещё что упустил:
Пошлю *безногого* за ним
(Не доверяю я другим);
Арфист упрямитесь не стал,
Без рук на арфе заиграл;
Слепой, увидев, восхитился;
Безногий сразу в пляс пустился;
Толпа собралась дураков,
Зевак, смутьянов, остряков.
Там разговоров не на день;
Легко на правду бросить тень!
Ну как тебе, по нраву повесть?

Карим

Не растерял в дороге совесть,
Твой для насмешек ум. Итак,
Неисправимый ты, чудак!
А говорил весьма занятно.

От автора

И, рассудив, Карим обратно
Собрался в путь, чтобы сказать:
Не стоит истины искать!
Явился он. Эмир спросил:

Эмир

Ты жизни таинства открыл?

Карим

Меня смущают донесенья.

Эмир

Пугают слабых разночтенья!

Карим

Быть может, мне не повезло;
Я испытал в дороге зло
И даже выглядел уныло;
Порой, мне очень трудно было,
Но в том рассказе нет нужды –
Аллах приветствовал труды!
Во мне желанье – угодить;
Тебе с усердием служить
Во исполнении закона;
Не проронил в пути я стона.
Стяжал ты славу и почёт,
Тебя всегда любил народ.
В душе я с верою блаженной,
Глубокой, чистою, священной
Места глухие исходил;
Монетой звонкой не сорил;
Беседы с пользой проходили,
Как жить, меня они учили:
Без ссор, вражды и без наветов;
В избытке слышал я советов.

От автора

Эмир дал руку, промолчал;
Карим с покорностью приняв,
Поцеловал, затем прибавил:

Карим

Тебя в пути, Эмир мой, славил!
Переступая твой порог,
Я понял, что не одинок.
Я с доброй вестью возвратился,
Мой разум всё же прояснился;
Взор устремляя к небосводу,
Я ощутил в себе свободу,
Лишился словно я оков;
Твоих постиг я тайну слов.
Мне удалось раскрыть секрет:
Ты, для меня ярчайший свет!
А жизнь короткая земная –
Забота наша круговая.

От автора

Мудрец умолк. Эмир с волнением,
По-детски, с чистым откровеньем
Сказал ему:

Эмир

А ты – храбрец!
Мой для тебя открыт дворец;
Доволен я. И посему,
Позволь, как сына обниму!

10.06.95 – 12.06.95